

Маркшейдер Потапов

Лерой Мерлин

Мерлин Лерой Маркшейдер Потапов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68307373

SelfPub; 2023

Аннотация

Дети в подzemке Играли в Гестапо. Зверски замучен
Маркшейдер Потапов (сюр, наверное) Финалист конкурса Нео-
Нуар-22 (СИ)

Мерлин Лерой

Маркшейдер Потапов

Пролог

Мессир Гуго Сен-Викторский, урождённый граф Бланкенбургский, в сотый раз изучал карту Скифии. Этот дикий край, неуправляемая азиатчина, никак не хотел покоряться цивилизации. Бесконечные орды кочевников носились по бескрайним просторам туда-сюда, сметая на своём пути зачатки жизненно необходимых ордену городов. По плану крупные города обязаны были возникать регулярно и повсеместно. Вся Европа уже была покрыта этими пульсирующими нервными узлами. Люди должны сидеть на месте, концентрировать золото и энергию! Но непокорные орды, за пару часов способные погрузить всё своё нехитрое имущество в кибитку и отправиться вслед за ветром в любом направлении, совершенно не годились для оседлой жизни.

«Здесь!», – наконец решил мессир и ткнул отполированным ногтем в излучину реки Самарха. От резкого движения затрепетало пламя свечи и карбункул «Глаз сатаны» хищно сверкнул в массивном перстне на пальце Гуго. «Построим крепость здесь. И назовём так же. Самарха. Пусть дикари радуются, что мы взяли их наречие в название города, так необходимого для реализации нашего плана».

Михаил Иванович Потапов, потомственный горный инженер, ведший свою родословную ещё от Леонтия Бекетева, отправленного Петром I в Европу для обучения горным делам, пребывал в смятенном состоянии чувств. Сидя на заднем сиденье чёрной «эмки», с обеих сторон стесняемый широкими плечами двух похожих друг на друга как родные братья костоломов, Михаил Иванович не имел ни малейшего понятия, куда и зачем его везут. Но предчувствия были самые гадостные.

Когда под утро в дверь уютной квартирки на Моховой постучали, Потапов досматривал пасторальный сон, в котором он мальчиком копал на огороде червей для рыбалки. Пленённые черви сдаваться не хотели, истерически извивались и щекотно тыкались носом в ладошку. Маленький Миша растягивал их как гармоньи меха, опускал в банку и снова копал. Пятый червяк положил Мише на плечо свой заострённый носик и хорошенько потряс.

Михаил Иванович проснулся, жена трясла его за плечо и смотрела круглыми от ужаса глазами. Дверь тряслась под мощными ударами. От двойной внешней вибрации Потапов затрясся внутренне, встал с постели и энергично прошлёпал тапками мимо вжавшейся в стену домработницы Марфуши.

– Кто там? – срывающимся со сна голосом спросил Потапов.

– Откройте, НКВД!

В прихожую ввалились трое в чёрных кожаных плащах.

Один ринулся осматривать комнаты. Второй встал у двери. Третий, ростом поменьше, начал без прелюдий.

– Михаил Иванович? Потапов?

– Чем обязан?

– Собирайтесь, Михал Иваныч. Поедете с нами.

Задвинутая дверью в угол Марфуша тихонько заскулила:

«Пресвятая Богородица, присно дева Мария...»

Автомобиль вихрем промчался мимо мрачной махины Госплана, сделал полукруг на площади Дзержинского, резко свернул на улицу Чернышевского и продолжил путь на восток. Потапов шумно выдохнул.

Сидящий на переднем сиденье человек обернулся.

– Что вам известно о немецкой компании «Сименс и Гальске»?

– М-м-м... Я знаком с их проектом московского метро.

– Вы видели их проходческую машину?

– Да. Но мы тогда остановились на английском механизме Маркхам. К тому же наши копии ничуть не хуже, – заискивающе начал Потапов.

– Я не о том. Как обычно работает механизм? Чем он живёт? Он способен самостоятельно принимать решения в каком направлении ему рыть?

Потапову показалось, что он по-прежнему во сне, просто внезапно сменилась локация.

– Последнее время вы, кажется, занимались расчётами для метрополитена в Ленинграде, а до этого была одна...

МММ... неприятность здесь? Одним словом, сейчас вы не у дел, хотя вполне военнообязанный.

Потапов похолодел.

– То, о чём я вам сейчас скажу, должно остаться между нами, – продолжил человек на переднем сиденье, – вы хорошо представляете, как работает щит?

– Думаю да. Я почти четверть века занимаюсь горной проходкой.

– Вам может показаться, что мы тут все сошли с ума, – развёл руками говорящий, охватывая в круг сумасшедших и водителя, и двух громил, – но дело состоит в том, что мы потеряли один из механизмов.

– То есть как? Он сломался?

– Нет. Он, эм-м-м, уполз...

–...Но... Как это возможно?! Куда?

– Вот это нам и предстоит узнать с вашей помощью. Мы сейчас же вылетаем в Куйбышев.

– Почему в Куйбышев? Зачем в Куйбышев?

– Наше ведомство строит там один засекреченный объект... под землёй. А щит... м-м-м... исчез. Впрочем, я всё объясню в самолёте.

Автомобиль въехал на взлётную полосу аэродрома в Измайлове.

В самолёте Потапов почти не слушал сопровождающего. О проходческой машине «Сименс и Гальске» он знал всё.

Это был мощный немецкий механизм, с диаметром щита девять с половиной метров, в зависимости от качества грунта способный продвигаться до восьми метров в день. Потапов сам ездил в Германию на переговоры о закупке почти десять лет назад. Он совершенно влюбился в машину и всячески проталкивал принятие решения руководства в её пользу – писал записки, делал экономические выкладки. Вся эта писанина легла в основу уголовного дела, когда на проходке первой линии произошла авария и погибли люди. Следователь технично шил Потапову дело, создавая из маркшейдера немецкого шпиона, который специально всё подстроил, чтобы доказать, что английский щит хуже. Припомнили и непролетарское происхождение, и дядю белоэмигранта. К счастью для Потапова, виновных нашли и отправили «строить метро» в Магадане. Михаила Ивановича перебросили в Ленинград, из которого он каким-то чудом успел уехать прямо перед тем, как кольцо замкнулось. То, что дело против него не закрыто, Потапов догадывался и каждый раз вздрагивал, когда слышал под окнами шум колёс в ночи. И вот... Но выходит, что немецкий проходческий щит всё-таки был закуплен?!

Так думал Потапов, пролетая над бескрайней Русской равниной. Внизу за стеклом иллюминатора в лучах восходящего солнца вспухшей веной морфиниста на теле больной Родины пульсировала великая река.

– Что-о-о?!

До Потапова долетел обрывок фразы: «... спустясь в шахту, инженер Ровнов проходческого щита не обнаружил».

– То есть, вы хотите сказать...

– Михаил Иванович, я вам уже час твержу, но вы меня совершенно не слушаете.

Из рассказа сопровождающего Потапов уловил, что последний раз рабочие проходческого участка выходили на связь в двадцать два часа. Спущенная за отвалом клеть наверх не поднималась. Штейгер Ровнов забеспокоился примерно в половине одиннадцатого, но из-за опущенной в шахту клетки добраться до нижнего горизонта не представлялось возможным. К часу ночи, после краткого совещания, решили спустить рабочих и штейгера Ровнова на верёвочных качелях. Оказавшись на месте, они двинулись вглубь забоя. Ни проходческого щита, ни людей, его обслуживавших, не обнаружилось. Группа Ровнова примерно час шла по туннелю, конца которому не было видно. Люди запаниковали и вернулись наверх.

– Но как такое может быть! – воскликнул Потапов.

Сопровождающий пожал плечами и отвернулся к иллюминатору. Самолёт заходил на посадку.

На аэродроме Кряж московские гости пересели в ожидающую их машину и поехали на место происшествия. Обнесённая высоким забором шахта, расположенная практически в центре города, примыкала к Обкому. Строительство шло тайно, и горожане были в абсолютном неведении о су-

ществовании секретного объекта.

В кабинете Обкома, отведённом под штаб, находилось несколько человек. С первого взгляда стало понятно кто из них главный. Коренастого лысоватого человека в очках-пенсне Потапов видел на открытии первой линии метро и понял, что дело действительно серьёзное. На столе совещаний лежал план объекта, похожий на скелет рыбы, зарытый в землю хвостом вниз. К нижней короткой «кости» слева красным карандашом кто-то пририсовал жирную линию, переходящую в пунктир за пределами схемы.

– Будете спускаться? – с лёгким грузинским акцентом то ли спросил, то ли констатировал человек в пенсне. Потапов понял, что отказ принят не будет.

– Прямо сейчас?

– А чего откладывать?

Маркшейдер снял плащ, надел приготовленную робу, взял фонарь, вместе с сопровождающим прошёл вниз и обречённо забрался в клеть.

Объект представлял собой пятидесятиметровую шахту, соединяющую пять горизонтов, по спирали отходящих от ствола через каждые десять метров вниз. Верхние этажи имели практически законченный вид, своды коридоров были укреплены бетоном, в них горел свет, шли отделочные работы. С двадцати метров туннели освещались дежурным лампами. Последний, пятый горизонт зиял чернотой.

Клеть остановилась, Потапов с сопровождающим вышли

и двинулись вперёд, светя себе фонарями. Вентиляция в туннеле уже работала, слышался лёгкий гул и чувствовалось движение воздуха вглубь забоя. Маркшейдер внимательно осматривал стены. Первые двенадцать метров монтаж сборной обделки туннеля имел законченный вид. Далее, около семи метров, укрепление контура выработки носило временный характер. Всё в соответствии с утверждённой картой работ. Примерно через двадцать метров знакомый почерк метростроя обрывался и стены туннеля были забраны в чугунную опалубку, сделанную по незнакомой Потапову технологии. Инженер остановился и долго смотрел на место стыковки. Мозг отказывался принимать очевидное. Постояв так минут пятнадцать, Потапов, не выходя из задумчивости, побрёл в сторону клетки. Сопровождающий тащился сзади.

Обо всём увиденном Потапов, как мог, доложил на совещании сразу после подъема. Семеро за столом замерли.

– Итак, что мы имеем, – начал человек в пенсне, расхаживая по кабинету, – вглубь страны, со стороны линии фронта, ведёт подземный ход, который начинается... хер знает где, и такой ширины, что по нему парадным строем с барабанным боем и духовым оркестром может пройти вражеская дивизия. И никто об этом ничего не знал? Как получилось, что наш щит идеально вошёл в подготовленный заранее проход? Кто делал расчёты?

В кабинете сгущалась тишина.

– Всё согласовывалось на самом верху, – раздался робкий

голос начальника строительства.

– Кто работал в забое в эту ночь? – спросил после паузы человек в пенсне, вспомнив, что лично подписывал секретные бумаги.

– Зэка Безымянлага Парамонов, Тяжнов, Редькин и Дейнека.

– Дейнека? Этот тот умник, который на допросах сознался, что планировал рыть подземный ход в Англию? – спросил человек в пенсне. Он сам читал все личные дела привлечённых к строительству заключённых и, имея извращённое чувство юмора, специально включил молодого писателя Дейнеку в команду рудокопов.

В повисшей тишине стало слышно, как в стекло билась муха.

– Все свободны. Далеко не расходитесь, могу вызвать в любой момент, – сказал человек в пенсне, свернул трубочкой газету «Красный Куйбышев», подошёл к окну и с одного удара уколошил несчастное насекомое.

Потапов еле добрёл до гостиничного номера Дома офицеров, который находился в двух шагах от Обкома. Не раздеваясь, рухнул на кровать и мгновенно заснул. Ему снился проходческий щит фирмы «Сименс и Гальске». Огромная блестящая хромом машина выступала на арене цирка, не хуже дрессированного тигра перепрыгивала с тумбы на тумбу, разевала пасть, а Потапов в пышных усах и униформе укро-

тителя засовывал в неё голову. За удачный прыжок машина поощрялась кусочками мяса, наколотыми на стек. Механизм вкусно чавкал, урчал и ластился к дрессировщику, как кошка.

– Михаил Иванович, – в дверь стучал ординарец человека в пенсне, – вас ожидают.

Потапов поднялся, посмотрел на часы. Половина первого ночи. Наскоро умывшись, инженер вышел из Дома офицеров. Он вдруг вспомнил, что ничего не ел со вчерашнего вечера, но чувства голода не испытывал. Подходя к зданию Обкома, Потапов заметил, как всё вокруг поменялось. Площадь оцепили военные, кругом сновали вооружённые люди, подъезжали и отъезжали машины. Из мешков с песком были сооружены редуты, в них установили пулемёты, рядом обустроивались стрелковые расчёты. У памятника Чапаеву стояли два танка. Легендарный комдив в динамичной позе как будто указывал танкам на мишень – здание Обкома.

– Михаил Иванович, – начал человек в пенсне, как только Потапов вошёл, – вам предстоит в составе разведгруппы отправиться по туннелю на запад. Выдвигаемся прямо сейчас. Хотите позвонить жене? Само собой, ничего разглашать нельзя.

Ординарец, не спрашивая номер, соединил с Москвой. Наденька не спала, в её голосе дрожали слёзы. Кое-как успокоив жену, Потапов положил трубку. Человек в пенсне с любопытством прослушал весь разговор, отпустил ординарца и

начал издалека.

– Михаил Иванович, может так статься, что мы не скоро увидимся. Вы должны понимать, что на вас лежит большая ответственность. Кто знает, как далеко ведёт подземный ход. Вокруг вас будут только военные, лишённые фантазии и воображения люди. Вы же – человек творческой профессии. Инженер, почти художник. Постарайтесь всё записывать, зарисовывать. Связи с внешним миром, скорее всего, у вас не будет. Время от времени руководитель экспедиции комвзвода лейтенант Топтунов будет отправлять назад одного из бойцов. Передавайте, пожалуйста, свои записи с ним. Придавайте значение каждой мелочи, возможно, этот туннель приведёт нас к таким тайнам, о которых мы не могли и подумать. Одним словом, помните, родине нужны ваш ум, честь и совесть, ваш талант и преданность. Удачи! – с этими словами человек в пенсне встал и пожал Потапову руку.

Ординарец проводил его к шахте. Там, кто лёжа, кто сидя, ожидали тридцать пять вооружённых солдат. Маркшейдера представили Топтунову и группа начала спуск под землю.

Записки Потапова, доставленные из подземелья

14 августа

Материал крепления стен понемногу меняется. Если в начале это были почти новые чугунные блоки, то чем дальше мы продвигаемся, тем облицовка выглядит более уставшей.

Отделить образец материала не представляется возможным. При рассмотрении кажется, это укладка конца восемнадцатого века.

16 августа

Материалы облицовки стен по-прежнему отделить невозможно. Удивление вызывает идеально ровная архитектура сводов и абсолютно прямое направление. Изгибов и уклонов туннеля не наблюдается. Теодолит констатирует идеально ровный профиль.

18 августа

Внешне в туннеле нет перемен. Вентиляционных выходов мной не замечено, однако ж недостатка в воздухе для дыхания не ощущается. Кажется, в группе начинается волнение. Некоторые солдаты опасаются, что выхода из туннеля нет. Топтунов провёл построение, отобрал патроны, собрал запасы воды и еды.

20 августа

Произошёл бунт. Топтунов лично расстрелял четверых паникёров. Их тела остались лежать вдоль правой стены туннеля. Без дневного света становится совсем невмоготу.

22 августа

Фонари погасли третьего дня. Идём при свечах. Во время привала сбежали двое бойцов. Топтунов связал остальных одной верёвкой. Вода на исходе. Из питания нам выдают по две галеты в день. Солдаты в жребий разыгрывают, кому возвращаться с донесением.

24 августа

Один молодой солдат по фамилии Евчиков, кажется, сошёл с ума – стал нюхать землю и мочиться как собака. Топтунов отвязал его и выпустил. Евчиков на четвереньках помчался назад. Не знаю, добрался ли.

26 августа

К счастью, удалось наполнить фляжки грунтовой водой. Кажется, где-то над нами ложе реки. По крайней мере, сюда доносится шум воды или я тоже начинаю сходиться с ума. Похоже, мы все здесь погибнем...

Шёл двадцатый день пути. В тусклом свете свечи и почти без надежды группа упрямо пробиралась вперёд. Конца туннелю не было видно. Во время очередного привала Потапов подобрался к Топтунову. Тот, насвистывая «Любо, братцы, любо», скоблил щёки ножом.

– Товарищ лейтенант, нужно возвращаться. Даже если повернуть сейчас, нам едва хватит сил и еды на обратный путь. Мы вернёмся потом, с подкреплением и достаточным количеством провианта.

– Отставить разговорчики! Ты, шкура штатская, будешь меня учить как приказ выполнять?! Да я тебя! – он приставил нож к горлу Потапова.

От внезапного всплеска агрессии голова лейтенанта вдруг окуталась голубым свечением, раздалось лёгкое потрескивание, как будто заработал прибор Д'Арсонваля, запахло озо-

ном. Солдаты замерли, поражённые необычным зрелищем. Внезапно маленький лучик отделился от голубого ореола, закрутился жгутиком и устремился вперёд. Топтунов встал, встали и все остальные. Как зачарованный, лейтенант двинулся за лучом. Со стороны было похоже, будто кто-то вёл командира взвода за голубую ниточку. Солдаты потянулись следом.

Опешивший Потапов шёл последним. Сзади было отлично видно, что люди движутся как бы под действием магнита в сторону – нет, не света ещё, а некоего прояснения впереди. «Что это? – Потапов пытался рассуждать логически, – похоже на токи высокой частоты. Где мы находимся? Возможно, где-то в районе Курской магнитной аномалии? Тогда это можно хоть как-то объяснить».

Тем временем кавалькада ускоряла ход, потом перешла на бег, шаг становился шире, ноги всё реже касались земли и вот уже в подземном туннеле, роняя оружие, пилотки, вещмешки и прочее снаряжение летели двадцать три человека.

Равномерное движение походило на полёт во сне. Поначалу солдаты дурачились, протягивали друг другу руки, прикидывались плывущими. Их веселило это странное состояние невесомости. Но время шло и стало понятно, что прекратить полёт не удастся. Некоторые пытались схватиться руками за стены, другие пробовали тормозить ногами, как бы останавливая велосипед. Тщетно. Группа летела ровно по центру туннеля, тела вытянулись горизонтально.

Постепенно солдаты успокоились и некоторые даже уснули. Потапов заметил, что свечение распространилось на всю группу. Каждый находился словно в прозрачном голубом коконе. Рядом с маркшейдером летел молоденький солдатик. Кажется, его звали Фёдор. Он что-то пытался сказать Потапову, но тот ничего не разобрал, и Фёдор замолчал. Через какое-то время Потапов заметил странные перемены, происходящие с солдатом. И без того имея худое телосложение, Фёдор стал как будто ещё тоньше, ручки и ножки истончились до состояния ниточек и сам он стал похож на обсосанный леденец. Потапов опустил глаза и не узнал себя. Пухлое тело стало стройным, мерзкий животик, который так раздражал Наденьку, исчез.

Полёт тем временем ускорялся. Верёвки, связывающие людей, вместе с одеждой соскользнули с похудевших тел. Двадцать три светящихся голубым болида летели в туннеле со скоростью электропоезда метро.

Двое в жёлтых прорезиненных костюмах и защитных масках, с сачками в руках, вошли в огромный ярко освещённый зал подземной лаборатории. Сюда по окружности сходились около сотни выходов из туннелей. Из каждого, кроме трех с восточной стороны, сочилось голубое свечение. Оно медленно стекалось в стальной резервуар, расположенный в центре.

Когда двое с сачками прошли по мостику над емкостью к одному из нерабочих туннелей, вязкая фосфоресцирующая

субстанция снизу заволновалась, как будто стараясь достать их сапоги.

– Bist du sicher, dass du ihn wiedererkenntst?

– Wer weiß...

– Mach dich bereit, sie fliegen!

– Hey, Potapov?

Словно сквозь сон маркшейдер услышал, как кто-то позвал его по-немецки и еле слышно отозвался:

– Ich bin hier.

– Hop! Fertig!

Взмах сачком и Потапова выдернули из летящего клина. Ловкач картинно раскланялся. Второй человек в жёлтом демонстративно похлопал в ладоши. Остальные двадцать две голубые капли одна за другой плюхнулись в резервуар.

Потапов очнулся в белой просторной палате. В открытое окно с полупрозрачными развевающимися занавесками были видны Альпы и узкая полоска Цюрихского озера с маленькой рыбацкой лодочкой на синей глади. Михаил Иванович бывал здесь с родителями ещё до Первой Мировой и сразу узнал этот солнечный пейзаж. Поначалу инженеру показалось, что он уже умер и его отпустили напоследок немного погостить в тех местах, где он когда-то был счастлив.

В дверь тихонько постучали. Потапов почти физически почувствовал, что вот сейчас войдёт мама с подносом, на котором будет стоять стакан лимонада и корзиночка с мар-

ципанами. Но на пороге оказался высокий поджарый старик с кустистыми седыми бровями и орлиным носом. Потапов оценил скромный, но несомненно очень дорогой костюм, сидевший на старике идеально.

– Как вы себя чувствуете, Михаил Иванович, – спросил посетитель с лёгким французским акцентом.

– Спасибо, хорошо. Кто вы? Где я?

– Меня зовут Хьюго Бланкенбургский, – старик протянул ладонь для рукопожатия. В глаза Потапову бросился массивный перстень с огромным красным гранатом. – А вы разве не узнали это чудесное место?

Месье Бланкенбургский придвинул к кровати стул, уселся и начал разговор.

– Дорогой Михаил Иванович, мы около десяти лет наблюдаем за вами, с того самого момента, когда вы приезжали в Германию для переговоров о покупке проходческого щита. Мы очень ценим вас как специалиста. Я открою вам всё как есть, потому что хочу сделать вам необычное предложение. Наша организация строит туннели между крупнейшими городами планеты. Занимаемся этим мы уже свыше тысячи лет и за такой срок весьма преуспели. Туннели соединяют центры силы городов с нашей лабораторией. По ним, как по каналам, движется человеческая энергия, перерабатывается и даёт нам возможность сохранять власть над миром.

Потапов решил было, что перед ним сумасшедший, но старик был убедителен, говорил так спокойно и аргументи-

ровано, что Потапов невольно начинал ему верить. Кроме того, события последних дней начинали выстраиваться хоть в какую-то логическую цепь.

Со слов месье Бланкенбургского выходило, что их организация обладает техническим приспособлением, которое способно вытягивать жизненную силу сразу у большого количества собранных в одном месте людей. Энергия преобразуется в лаборатории промышленным способом и является своеобразным *perpetuum mobile*. Адепты организации получают эту энергию, живут вечно и способствуют постоянному наращиванию добычи.

– До так называемой революции мы активно работали и в России, – продолжал Хьюго. – Два ваших города миллионника уже более двухсот лет соединены с нашей лабораторией, ещё со времён вашего царя-реформатора. Канал в центр России тоже был почти готов, мы ждали лишь подходящего момента. Но большевики поломали нам все планы. Они решили сами выжимать энергию из своего населения и создали альтернативную нашей организацию. Само собой, получалось это у них грубо, людишки гибли в огромных количествах в недовыжатом состоянии. Более того, наши агенты повсеместно вычислялись и уничтожались. Нам пришлось законсервировать восточное направление. Но несколько дней назад мы зафиксировали активность в канале из России и приняли сначала четверых вместе с крошкой Гретой, затем и вашу... делегацию.

Потапов молчал. Мысли медленно ворочались в голове.

– Грета – это одна из наших машин-агентов. Наши девочки – почти живые существа. Они настроены двигаться в сторону дома, как почтовые голуби. Вы, наверное, хотите посмотреть на них? Извольте. Я проведу вам экскурсию.

Хьюго нажал на кнопку вызова медперсонала. Появилась улыбчивая сиделка, которая катила впереди себя вешало с роскошным кашемировым костюмом и рубашкой натурального шёлка. Лоферы Edward Green ручной работы она несла в руках. Хьюго жестом предложил Потапову одеться и тактично отвернулся к окну.

– Я продолжу, пока вы одеваетесь. Восточное направление очень важно для нас. Столько необузданной энергии – качать – не перекачать! Мы долго думали, что организовать, чтобы наша система заработала снова. Лет пятнадцать назад мы нашли одного сумасшедшего ефрейтора, хорошенько накачали его энергией, привели к власти в Германии и в прошлом году направили на восток. К сожалению, мы недооценили большевиков и дело затягивается. Мы всё время несём убытки.

Дорогой костюм сидел на Потапове, как будто портной снял мерки заранее. Лоферы идеально облегли ступни. Потапов давно не встречал такой обуви. Это было настоящее произведение обувного искусства. Высококласный мастер потратил не менее двух месяцев своей жизни, чтобы Потапов не чувствовал на ногах ни малейшей тяжести, и в то же

время ощущал, что несёт на каждой стопе как минимум по тысяче фунтов стерлингов.

Два джентльмена вышли из клиники Бургхельцли, сели на заднее сиденье Mercedes-Benz с откидным верхом, поджидавший их у ворот, и через десять минут были уже на Парадеплатц, 8, у здания банка SBC. Увидев месье Бланкенбургского, охранник распахнул перед ним дверь и застыл афрунт.

Джентльмены прошли через холл, операционный зал и спустились на лифте вниз, в хранилище. Хьюго двигался мимо золотых слитков и денежных монбланов так, словно это был ничего не значащий мусор. Спустившись по винтовой лестнице ещё ниже, джентльмены оказались в огромном машинном зале, где на небольших, похожих на цирковые, постаментах стояли готовые к применению проходческие щиты.

Это был настоящий парад-алле немецкого горного оборудования. Машины сверкали хромом, шевелили рабочими органами – ножевыми кольцами и режущими полосами, крутили шнековыми конвейерами, впускали и выпускали воздух из кессонных камер. В общем, были в хорошем рабочем тоне и как бы говорили: «Выбери меня, мой повелитель, я сверну для тебя горы!». Сердце Потапова зашло от восторга. Он ходил от машины к машине, гладил хромированные бока, прикладывался к ним щекой. Машины отвечали взаимностью – нервно вздрагивали от прикосновений и урчали

от удовольствия. Потапов уже начал придумывать им имена. «Наденька» не подходило ни к одной. Машины отзывались на немецкие – Герда, Грета, Урсула, Ханна...

– Выбирайте любую, – разрешил Хьюго, – можете жить с ними прямо здесь, если захотите. Но сначала вы должны дать слово, что забудете всё, что осталось в вашем мире – Родину, жену, и, как там выразился ваш поэт, всякие родные пепелища и родительские гробы, одним словом, всё, что вам дорого. У нас вы будете заниматься любимым делом, всегда отлично одеваться, вкусно кушать и... жить вечно.

– Но разве такое возможно?!

– Пойдёмте, – сказал Хьюго, – я покажу вам как это работает.

Они вышли из машинного зала, прошли обратно через хранилище и операционный зал, поднялись по роскошной мраморной лестнице на второй этаж и, мимо очаровательной секретарши, вошли в кабинет управляющего банком.

В кресле за рабочим столом красного дерева сидел бледный как манекен человек. Он вяло приподнялся и кивнул вошедшим. Казалось, на этом силы покинули его. Хьюго запросто уселся в одно из кресел недалеко от входа и жестом пригласил Потапова присесть рядом. Затем он позвонил в колокольчик и по-немецки заказал вошедшей секретарше виски со льдом. Пригубив из принесённого стакана, старик расположился поудобнее. С того места, где сидели гости, весь огромный кабинет выглядел как зеркало сцены. Из карма-

на пиджака Хьюго достал большой серебряный портсигар и раскрыл его. Комната наполнилась голубоватым свечением. В портсигаре лежали флуоресцирующие капсулы, по форме похожие на кубинские сигары. Месье Бланкенбургский взял одну и поманил управляющего пальцем. Тот механически приблизился.

– Nun, lasst uns, – обратился Хьюго к банкиру, – sie wissen, was zu tun ist.

Управляющий снял штаны, повернулся спиной и нагнулся. Мессир вставил капсулу банкиру в задний проход и вытер пальцы о полу его пиджака марки Gieves & Hawkes. Управляющий распрямился, надел штаны и энергично двинулся назад к столу. Шаг за шагом его походка становилась твёрже и решительнее, на щеках заиграл румянец, глаза заблестели магнетическим синим светом, зрачки расширились. Подойдя к телефону, он немедленно набрал секретаршу.

– Verbinden Sie mich mit unserer Niederlassung in Hongkong und erstellen Sie Transaktionsberichte zwischen Pretoria und West Carolina, – жёстко распорядился банкир в трубку.

С каждой секундой механический темп управляющего ускорялся. Через четверть часа всё вокруг кипело. То и дело звонили телефоны, шли переговоры, заходили люди с отчётами.

– Вот, видите. Энергетический стержень стимулирует работоспособность и накопление золота идёт гораздо эффективнее. Батарейки хватит на десяток лет, потом она раство-

рится и понадобится следующая подзарядка. Ну так что, вы решились?

Потапов посмотрел на свои лоферы, представил, какие горизонты открывает перед ним новый, неведомый мир. Мир в окружении совершенных вещей, любимой работы, мир без старости и смерти, без глупых копаний в поисках истины, без войны и революций, без болезней и голода, без Наденькиных мигреней...

– Да, – сказал Потапов, – я решился.

Он встал, расстегнул штаны и нагнулся.

Эпилог

«На бал Сатаны собирались гости», – набрала на экранчике своего смарта Есения Копчак. Ей надо было срочно придумать кликбейтное начало для стенд-апа с престижного экономического форума. Со своего места журналистка наблюдала за тем как кто вальяжно и с охраной, кто на рысях и рыская глазами, собирались в конференц-зале жирные коты от бизнеса и власти, охотницы полусвета и мальчишки полутени. Ждали главного. У него была привычка запаздывать часа на два, и заполнить паузу запустили модного банкира.

Импозантный, в дорогом костюме и демократичных кроссовках, он энергично двигался по панели и картинно жестикулировал, подражая известному медийному персонажу. Есения пыталась уловить хоть что-то из того, что он вещал на своём птичьём языке.

– Банковские эко-системы уже связали единой сетью миллионы пользователей, проникли во все области жизнедеятельности, уплотняя время и расстояние. Но судьбу нашей цивилизации будут решать крупные агломерации, которые должны соответствовать международному уровню влияния на мировую повестку. Мы должны собрать население в десять или пятнадцать супергородов, по десять или пятнадцать миллионов особей в каждом. В этом случае гораздо эффективнее будут решаться вопросы управления, экономнее распределяться ресурсы, динамичнее развиваться подземная инфраструктура и транспорт...

«Линзы, что ли, надел, – думала журналистка, – глаза какие-то поразительно синие. Надо подкатить поближе на фуршете, под предлогом интервью»...

Конец

Гэйлет, 7530 г.

Продолжение следует

Начало здесь